Продолжение (начало «В» 21 (285) от 5.08.2020 г.)

5 августа 2020 года «Вести» опубликовали материал «Браслеты не для буйных», в котором рассказали о принципе работы системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ), применяемой в отношении подозреваемых или обвиняемых по уголовным делам лиц. В публикации было отмечено, что 9 января 2018 года произошел случай самовольного покидания одним из обвиняемых места домашнего ареста. Речь шла о печально известном «камчатском стрелке» Иване Ганже, который в ночь на 27 марта 2017 года открыл огонь из ружья по окнам соседей во дворе дома по адресу: улица Толстого, 3.

После выхода этой статьи от Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Камчатскому краю (далее – УФСИН) в адрес редакции поступило требование об опровержении. Частично привожу его текст:

«4 августа 2020 года на интернет-ресурсе вашего информационного агентства, а также в печатной версии издания от 5 августа 2020 году был опубликован материал «Браслеты не для буйных», содержащий недостоверную информацию, а именно:

«В тот день по неизвестным причинам ни одно из технических устройств СЭМПЛ, которыми был оснащен Ганжа, не сработало. Его отсутствие на месте домашнего ареста обнаружил конвой, прибывший по адресу, чтобы доставить обвиняемого в зал судебного заседания. Кстати, сотрудники камчатского УФСИН, консультирующие меня, не упомянули об этом случае, хотя я и задал им вопрос: бывали ли случаи отказа или неисправности оборудования СЭМПЛ, попытки самовольного ухода арестованных с места домашнего ареста или какие-либо другие происшествия за время работы системы на Камчатке?»

Сообщаем, что в ходе служебной проверки, проведенной по представлению Прокуратуры Камчатского края, было установлено, что 9 января 2018 года обвиняемый Г., о котором идет речь в материале, посещал медицинское учреждение в разрешенное судом время для прогулки, что подтверждается справкой, а также объяснением врача-терапевта, осуществлявшего прием.

Кроме того, в рамках вышеуказанной проверки проводилась экспертиза исправности оборудования СЭМПЛ, примененного к обвиняемому Г., не выявившая никаких отклонений в работе технических устройств. По этой причине сотрудники уголовно-исполнительной системы, беседовавшие с корреспондентом, не упоминали данный случай при ответе на вопрос о случаях неисправности СЭМПЛ и самовольного ухода подконтрольных лиц».

К требованию об опровержении какие-либо документы, подтверждающие факт проведения проверки и экспертизы, не приложены.

Вместе с тем основанием для подготовки опубликованного материала является письменное обращение на имя главного редактора нашего издания потерпевшей по этому уголовному делу – Ирины Филипповой, в котором говорится:

«9 января 2018 г. было назначено судебное заседание по нашему уголовному делу, по обвинению Ганжи Ивана в покушении на убийство. Мы с мужем являемся потерпевшими. На заседание Ганжа не явился. Суд не был предупрежден о том, что обвиняемого не будет. На вопрос судьи: «Где подсудимый?», никто ответить не мог. После звонка секретаря суда в конвой судья огласила, что, приехав по адресу, где обвиняемый находится под домашним арестом, конвой обнаружил, что его нет в квартире. Наш адвокат задал вопрос: предупреждал ли подсудимый об этом суд? На что был получен ответ о том, что в известность Ганжа суд не поставил.

Судья вынесла решение о переносе заседания и установлении причины неявки подсудимого. На следующее заседание Ганжа принес справку из больницы. Наш адвокат и суд усомнились в подлинности справки, и судья назначила провести проверку.

Также хочу дополнить, что за время нахождения Ганжи под домашним арестом я видела его выходящим из нашего подъезда. И потом, после случая с его неявкой в суд мы сопоставили то, что говорили наши соседи, которые также видели его выходящим из подъезда, и то, что я лично видела сама».

Как следует из требования об опровержении, направленного УФСИН в адрес нашей редакции, Ганжа «посещал медицинское учреждение в разрешенное судом время для прогулки». Если суд действительно установил Ганже разрешенное время для прогулок, то каким образом получилось так, что это время совпало с временем начала судебного заседания? Как обвиняемый мог не знать о дате и времени судебного заседания? Допустим, что он знал, но почувствовал себя плохо и решил вместо судебного заседания самостоятельно отправиться в больницу. В этом случае он обязан был получить разрешение контролирующего органа, то есть УФСИН, и суда.

В соответствии с п. 12. ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ в орган дознания или орган предварительного следствия, а также **в суд** подозреваемый или обвиняемый, находящийся под домашним арестом, доставляется транспортным средством контролирующего органа. Это значит, что в суд Ганжу должны были доставить сотрудники УФСИН. При этом в обращении потерпевшей Филипповой говорится, что к началу судебного заседания о том, где находится обвиняемый, не знал никто. Ни суд, ни его адвокат, ни УФСИН. Но если, как утверждает УФСИН, оборудование СЭМПЛ работало исправно, и обвиняемый соблюдал все законные требования относительно своего ареста, то почему сотрудники УФСИН не доставили его вовремя на судебное заседание? Если они знали, что обвиняемый находится в больнице, то почему не сообщили об этом суду? Кто дал разрешение Ганже на посещение больницы вместо явки на судебное заседание?

Редакция «Вестей» считает информацию, изложенную в публикации от 5 августа 2020 года, полностью обоснованной.

Добавлю, что потерпевшая Ирина Филиппова готова в любое время подтвердить факты, изложенные в своем обращении.

Андрей БОРИСЕНКО